

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ

БАНДИТСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Москва
Издательство АСТ

УДК 343.32
ББК 67.99
К65

Серия «Бандитская Россия»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Константинов, Андрей Дмитриевич

К65 Бандитский Петербург / Андрей Константинов.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 734, [1] с.: 32 л. ил.— (Бандитская Россия).

ISBN 978-5-17-115431-8

«Бандитский Петербург» — это самая полная криминальная история Северной столицы с момента ее основания до настоящего времени.

«...в каком-то смысле книга „Бандитский Петербург“ для меня — это бесконечная литературно-исследовательская каторга, отбывая которую с каждым годом все труднее находить в себе силы продолжать работу... И все-таки, как мне кажется, тема „Бандитского Петербурга“, будучи сейчас не столь „спекулятивно-актуальной“, как это было в девяностые годы прошлого столетия, по-прежнему остается интересной... Истории многих героев не завершены, а значит — не дорассказаны. Так что книга все еще не закончена».

Андрей Константинов

Подписано в печать 05.03.2019.
Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 46,0.
Печать офсетная. Бумага типографская.
Гарнитура Petersburg
Тираж экз. Заказ № .

© А. Константинов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Я уже неоднократно высказывал ту мысль, что «Бандитский Петербург» принадлежит к числу тех книг, которые бесконечны, и которые можно писать всю жизнь.

Другое дело, нельзя сказать, что изначально именно такая задумка у меня и была. Когда я только начинал заниматься исследованиями бандитизма в отдельно взятом мегаполисе, мотивация у меня имелась очень простая: я всего лишь работал в петербургской газете «Смена», в криминальном отделе, который сам и создавал. Это было мое направление работы — раз, работу я старался делать хорошо — два, и третье — я был абсолютно убежден, что по тому времени организованная преступность была одной из актуальнейших тем. В ту пору многие люди в нашей стране, равно как ведущие здесь свой бизнес иностранцы, столкнулись с новым для себя явлением и абсолютно не понимали, что это такое. Огромное количество граждан просто растерялось — такого же не было в советское время, а тут откуда ни возьмись появилось. И нужно было постараться более-менее доступным языком объяснить людям, что же происходит, какие у этого явления корни. Ибо эта, мягко говоря деликатная тема не должна была стать сектором умолчания.

К слову, самим словосочетанием «Бандитский Петербург» читатели обязаны вовсе не мне, а Владу Чертинову, который на тот момент (а первая статья с таким подзаголовком вышла в газете «Смена» в ноябре 1992 года) состоял в должности заместителя главного редактора. Мой вариант назывался «Петербург бандитский» — по аналогии с небезызвестной «Москвой кабацкой». Таким названием я хотел подчеркнуть, что как раз не весь Петербург у нас бандитский — это всего лишь один из сегментов его истории. Однако Влад посчитал, что «Бандитский Петербург» звучит как-то зазывнее, а я на такое предложение с легкостью согласился. В том числе, и потому, что увидел в нем другое противопоставление: бандитский Питер в отличие от Москвы — воровской...

Меня частенько спрашивают: «Какой вы представляете себе читательскую аудиторию „Бандитского Петербурга“? Для кого эта

книга? Для силовиков? историков? бандитов?» И еще — «Имеет ли исследование „Бандитский Петербург“, пускай невеликий, но шанс, что-то изменить в людях, которые его прочтут?»

Ну, что тут сказать... За полтора десятилетия суммарный тираж «БП» давно перевалил отметку в миллион экземпляров. Безусловно, в нашей стране не наберется миллиона историков, даже той же сотни тысяч не наберется. Следовательно, подавляющее большинство читателей книги, за исключением самих бандитов и историков, — это простые нормальные граждане, которым всё это дело просто интересно. Поскольку в 1990-е годы бандитизм был одной из важнейших составляющих нашего общественного устройства и нашего образа жизни, то не писать об этом, делая вид, что этого практически не было и нет, это, во-первых, глупость, а во-вторых, лицемерие.

Притом, что «БП» — совсем не художественная вещь, я старался вести повествование не «научнообразно», а живым разговорным языком. И делал это исключительно для того, чтобы читателю было проще его воспринимать. Безусловно, теперь, по прошествии многих лет, желающих и могущих одолеть эдакую бумажную машину гораздо меньше, нежели в самом начале моей работы, когда людям подобная информация была жизненно необходима — как справочник, как школа выживания. В 1990-х «БП» читали и наши бизнесмены, и иностранные, а сейчас, ежели вдруг кого-то убьют и коллеги мне звонят за комментариями, я им говорю: «Так вы откройте книгу, не ленитесь, там история этого человека подробно описана». «Ой, а ведь действительно!»

Что же касается «шанса на изменение»... Одни люди пойдут в бандиты, другие уедут в эмиграцию, третьи пойдут в книжный магазин покупать следующую книгу Константинова, четвертые подумают, нельзя ли записаться в такую политическую партию, чтобы что-нибудь исправить. Вот эта четвертая группа, вероятно, будет самая малочисленная, но в то же время — самая важная. Если капать из пипетки по капельке в правильную точку, то через сто тысяч лет, может быть, вырастет маленький сталактит. На мой взгляд, «капать из пипетки» — это единственное, что нам остается делать.

Замечу, что реакция на то, что я делал, у многих политиков, общественных, культурных деятелей в ту пору была такая, что, дескать, не стоило бы об этом говорить вообще. А мне, в свою очередь, на подобные упреки всегда хотелось ответить, что организованную пре-

ступность не я придумал и не я ее сделал такой, что ее не замечать и не фиксировать невозможно. Это не мне и не журналистам вообще надо упреки предъявлять, не на зеркало обижаться. Уж если с кого-то что-то спрашивать, то, наверное, с лидеров: как же это вверенный вам город, вверенная вам страна оказалась в таком состоянии? Не стоит путать причины и следствия. Прилепить ярлык несуществующего явления невозможно. Ну, вот начнем мы сейчас кампанию со слоганом «Петербург каракулевый» — потратим на это массу денег и сил. Но как только мы перестанем развешивать рекламу на билбордах, люди тут же об этом забудут. А с «Бандитским Петербургом» совсем другая вышла история...

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что сколько бы не выходило переизданий, как бы не дополнялась, не перепроверялась информация, эта книга все равно не свободна от каких-то ошибок, неточностей. Но у такого рода вещей так всегда. Не хочу себя сравнивать с великими, но, наверное, не секрет, что у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАг» есть много недостоверного. А как без этого? Он работал с людьми, записывал рассказы, люди ошибались... Или взять Пушкина, которого я считаю предтечей русского журналистского расследования: историки не слишком высоко оценивают его «Историю Пугачева» с точки зрения именно исторической. Но в том-то все и дело, что это был не исторический труд, это была журналистика того времени, просто формата еще не существовало, а Пушкин это уже сделал. В этом его заслуга, а не в точности фактов. Так и с «Бандитским Петербургом». Учитывая условия, в которых я работал, о какой абсолютной точности можно было говорить? Несмотря на то, что у меня были источники в правоохранительной, в бандитской среде, — слава Богу, что вообще хоть что-то получалось... У меня даже был случай, когда по поводу именно этой книги мне передали комплименты от Лихачева. Я не могу стопроцентно утверждать, что они были произнесены, потому что сам я с ним не разговаривал. Но одна его аспирантка однажды сказала, что Дмитрий Сергеевич высоко оценивает эту работу и просил передать мне комплименты...

Кстати говоря, впоследствии на книжном рынке вышло множество подражаний: «Бандитский Крым» появился, «Одесса бандитская», «Москва бандитская». Но «Бандитский Петербург» был

первым, и он остался, люди его не забывают — конечно, молодежь его уже похуже знает, но все равно название на слуху. А остальное прошло и сгинуло. Потому что занимались этим именно подражатели, не те люди, для которых эта работа была принципиально важна. У меня какое-то недоумение по их поводу возникало — мне бы, например, никогда не пришло в голову чье-то, условно говоря, изобретение, использовать. Хотя это и не мое изобретение. На лекциях курса «Журналистское расследование», который мы вот уже много лет подряд читаем на журфаке и юрфаке, я всегда рассказываю студентам про Владимира Осиповича Михневича — русского журналиста второй половины XIX века. Я делаю это сознательно, однако вовсе не для того, чтобы, условно говоря разделить с ним ответственность. А потому что мне иногда приходилось слышать совершенно дикие вещи про то, что вот раньше, мол, до 1917 года, были настоящие журналисты, которые писали о том, насколько хорош Петербург майским утром. Так говорят люди, которые не слишком хорошо знают историю. На самом деле раньше были такие люди, как Михневич. (Он, кстати говоря, не одни только «Язвы Петербурга» написал, у него есть замечательный справочник «Петербург весь на ладони», есть потрясающая книга-расследование «История карточной игры на Руси»). Да и не только у Михневича существовали работы по этой теме — школа криминального очерка в России была очень сильной. Так что не стоит говорить о том, что раньше эта тема была никому неизвестна и не нужна. Ерунда это. Михневича даже переиздали в 2003 году, настолько он хорошо тогда все написал.

Конечно, сейчас уже нет такого интереса к «Бандитскому Петербургу», как в 1990-е годы, но я все равно убежден, что работу нужно было продолжать. В любом случае, как мне кажется, это исследование не может быть закончено одним лишь волонтаристским решением. Долгие остановки существовали всегда — чтобы накопить материал, осмыслить его. Но поскольку само явление не исчезло, а мутировало в разные интересные формы, работа закончиться не может. Не исследованы многие исторические пласты — скажем, то, что творилось в блокадном Ленинграде, не кончились биографии многих героев, и очень интересно наблюдать, как их судьбы складываются — у кого в тюрьме, а у кого и на свободе с большими деньгами. Сейчас какая-то пауза будет, а дальше как Бог даст. Я не собираюсь становиться историком, детальным ис-

следователем мелочушек, но исчерпать эту тему трудно. Мой друг и очень уважаемый мною человек, писатель Михаил Веллер сказал очень важные для меня слова: «Андрюха, „Бандитский Петербург“ — знаковая вещь, и ты ей можешь гордиться». А Веллер такой человек, который не будет говорить того, чего не думает на самом деле, поэтому слова его для меня особенно ценны...

Я горжусь этой работой, нисколько не стесняюсь ее, не считаю, что перед кем-то виноват. Не считаю, что виноват перед городом, хотя мне иногда приходилось слышать упрек, что я воспеваю, романтизирую преступный мир. Тут мне сразу хочется спросить: «А вы книгу-то читали?» То же самое, кстати, и с фильмом «Бандитский Петербург» произошло — тогда мне вменяли в вину, что слишком симпатичным получился Антибиотик, главный злодей. Ну, так я отвечал на это, что в фильме «Семнадцать мгновений весны» очень симпатичным получился Мюллер, но не станете же вы говорить, что Лиознова воспевала нацизм. Конечно, я никого не воспевал. Когда огромное количество и коллег, и официальных людей боялись называть вещи своими именами, я, собственно говоря, написал: «Вот эти, эти и эти люди — бандиты: у них такой-то генезис, такое-то расположение и так далее». А если кто-то желает видеть в моем исследовании желание опорочить город, так есть люди, которые, посмотрев на «Маху обнаженную» Гойи, увидят голую бабу...

Вообще, я считаю, что лишних знаний не бывает. Задача журналиста — дать обществу информацию, а общество пусть само решает, что с ней делать. И вот как раз в этом смысле у меня немного печальные выводы. Иногда возникало такое странное ощущение, что общество устраивает то, что происходит. Книжки «Бандитский Петербург» выходили не самыми маленькими тиражами, но никакого особенного давления на себя я не испытывал. Какое-то бурчание — да, раздавалось, не всем я нравился. Когда мои первые очерки выходили еще в газете «Смена», Собчак пламенную речь произносил с трибуны Мариинского дворца и стучал газетой по трибуне. Но это не тот эффект, который, как мне кажется, подобные тексты должны вызывать. Нормальные люди все это читали, говорили «Ну надо же!» — и шли спокойно спать. Не было порыва что-то немедленно сделать, что-то изменить. Как вот взорвали поезд в Испании — и тут же люди вышли на массовый митинг против

террора. А у нас не было лозунгов «Мы говорим „нет“ бандитизму». Это меня удивляло и огорчало. Значит, бандитизм не был для общества чем-то таким, с чем невозможно жить.

И еще одна вещь в свое время меня очень опечалила. К 2000 году период гангстерских войн закончился. Когда вышел фильм «Бандитский Петербург», то, о чем в фильме говорилось, стало уже историей. Началась великая бандитская демобилизация. Так вот: я считаю, очень плохо, что этот костер догорел сам по себе, а не правоохранительные органы его затушили. Это страшное явление закончилось, как заканчивается сезон года, естественным путем, а не потому, что ему противостояли те, кто должен ему противостоять. Меня никто не переубедит в том, что это было как-то по-другому, потому что все происходило на моих глазах. Я видел множество рубоповских отчетов о том, что они пересажали сотни группировок, но только почему-то группировок этих меньше не становилось. Вот что по-настоящему грустно.

Меня часто также упрекали в том, что я делаю рекламу бандитам, что я на них работаю. Перечисляли практически всех крупных авторитетов: Костю Могила, Мирилашвили. Чуть ли не пресс-секретарем Кумарина меня называли. Это смешно. Говорить такое могли люди, которые не понимали, как мне удастся с этими людьми выдерживать баланс отношений, вступая с ними в диалог. Но, послушайте, если у вас не получается или вы боитесь подходить так близко к бандитам, не спешите делать выводы по поводу тех, у кого получилось. Ни на кого из бандитов я никогда не работал. Достаточно часто у меня возникали конфликты с этой средой вплоть до прямых угроз. Эти люди ведь очень по-разному себя вели. Кумарин, допустим, согласился на интервью, а Костя Могила сказал: «Нет, я интервью не дам, давай я тебе все расскажу потихоньку, а ты как будто сам это все узнал». А были и такие, как Шевченко покойный, которые говорили: «Вы стоите на пути моего бизнеса, моей организации, так что советую подумать». Такое тоже слышать приходилось. И на милицию я не работал, не был милицейским сливом. Свою работу я делал сам и по своей воле. Делал ее искренне и честно. Именно поэтому мне за эту работу не стыдно...

Засим, остаюсь искренне Ваш, Андрей Константинов

Часть первая

ИЗНАНКА СТОЛИЦЫ ИМПЕРИИ

...Много легенд ходит о том, как был основан Петербург. Говорят, например, что, когда 16 мая 1703 года Петр I начал копать первый ров, — появился в небе над государем орел, которого сумел подранить выстрелом из ружья некий ефрейтор Одинцов. Петр развеселился, счел поимку орла добрым предзнаменованием, перевязал птице лапы платком и посадил себе на руку... Хорошее настроение не покидало царя до вечера, когда началось большое гуляние, сопровождаемое пушечной пальбой...

Веселился царь, веселилось его «кумпанство», а по всей России известие о строительстве нового города вызывало проклятья и слезы. Уже к осени 1703 года на строительство Петербурга было согнано около двадцати тысяч «подкопщиков» — так в те времена называли землекопов. Однако через год Петр, недовольный темпами строительства, велел каждый год сгонять на работы не менее сорока тысяч человек. Землекопы приходили к берегам Новы минимум на два месяца, работая от рассвета до заката. Учитывая длинные летние дни — работали они почти без отдыха и умирали сотнями от переутомления и недоедания. Цифры погибших при строительстве Петербурга называют разные — 60, 80 и даже 100 тысяч человек, на самом деле в то время умерших просто не считали. Естественно, люди бежали и с самого строительства, и по дороге на него. Иногда в бегах числилась чуть ли не третья часть всей рабочей силы, поэтому решено было вести рабочих людей (как правило, это были крестьяне со всей ма-тушки-России) в Петербург закованными в кандалы. Кроме того, на строительстве активно использовались солдаты-дезертиры и пленные шведы. Из-за всего этого, наверное, и ходят до нашего времени по Питеру мрачные легенды о том, что стоит он на костях каторжников, бандитов и разбойников, чьи неуспокоившиеся души продолжают творить в городе злые дела. Некоторые из этих старых легенд были упомянуты в свое время Алексеем Толстым в романе «Хождение по

мукам»: «Еще во времена Петра I дьячок из Троицкой церкви, что и сейчас стоит близ Троицкого моста, спускаясь с колокольни, впотьмах, увидел кикимору — худую бабу и простоволосую, — сильно испугался и затем кричал в кабаке: „Петербург, мол, быть пусту“, — за что был схвачен, пытан в Тайной канцелярии и бит кнутом нещадно.

Так с тех пор, должно быть, и повелось думать, что с Петербургом нечисто. То видели очевидцы, как по улице Васильевского острова ехал на извозчике черт. То в полночь, в бурю и высокую воду, сорвался с гранитной скалы и скакал по камням медный император. То к проезжающему в карете тайному советнику липнул к стеклу и приставал мертвец — мертвый чиновник. Много таких рассказней ходило по городу».

Между тем реальных разбойников и бандитов в России периода строительства Петербурга было предостаточно. Причем, вопреки часто бытующему мнению, разбоем и воровством занимались отнюдь не только беглые крестьяне. Еще в 1694 году в Москве была раскрыта и ликвидирована, выражаясь современным языком, «бригада» братьев Шереметьевых, которые вместе с князем Иваном Ухтомским, Львом и Григорием Ползиковыми, Леонтием Шеншиным и другими благородными господами приезжали «...среди бела дня к посадским мужикам и дома их грабили, смертное убийство чинили». Кстати, благородных бандитов наказывали совсем не так жестоко, как «подлый люд», — те же Шереметьевы были освобождены на поруки и переданы «для бережения» боярину Петру Шереметьеву — правда, с «казненными» (т. е. подрезанными) языками. Как все это напоминает день сегодняшний, не правда ли, Читатель? Россия меняется, а вот повадки российские... М-да... Чиновники конца XVII века были коррумпированными и жадными не менее нынешних — в том же 1694 году некий Федор Дашков совершил акт государственной измены и попытался бежать к королю Польши, однако на границе его взяли, допросили и послали в кандалах в Москву, в Посольский приказ (по подследственности, так сказать). В столице, однако, Дашков был... освобожден, поскольку догадался дать думскому дьяку Емельяну Украинцеву 200 золотых ¹... Коррупция и казнокрадство процветали на фоне волны

¹ В те времена это были огромные деньги. А в конце 1995 года один знакомый адвокат сказал мне по секрету: «Знаешь, сколько стоит освободить невинного человека из тюрьмы? Восемь тысяч долларов. Это притом, что судье даже не нужно закон нарушать».

грабежей и разбоев, захлестнувших страну. В 1705 году знаменитый прибыльщик Курбатов писал Петру I: «В городах от бургомистров премногие явились кражи вашей казны. Да повелит мне Ваше Величество в страх прочим о самых воровству производителях учинить указ, да воспримут смерть, без страха же исправить трудно». Обострение криминогенной ситуации одновременно снизу и сверху, естественно, вынудило Петра лично озаботиться «лучшим устройством» полиции. Считается, что петербургская полиция получила свое начало одновременно с основанием города. Поскольку Петербург был заложен на территории Ингерманландской провинции¹, которой управлял князь Меншиков, то он и сосредоточил первоначально в своих руках всю полицейскую власть. Светлейший был обязан: «и по городу и по острогу в воротах, и по башням, и по стенам караулы держать неоплошно; чтобы караулы были в указанных местах во дни и ночи беспрестанно, чтобы в городе нигде разбою и татьбы, и душегубства и иного никакого воровства и корчмы, и зерни и табаку не было. А буде какие люди учинут красть и разбивать и иным каким воровством воровать, велеть таких людей иметь и расспрашивать, и по них сыскивать; и учинить им по соборному уложению, кто чего доведется».

Петербург строился по образцу благоустроенных европейских городов, предполагалось, что значительная масса населения будет жить на сравнительно небольшом пространстве. Притом большая часть этого населения состояла из людей неблагонадежных, потенциально криминогенных слоев, поэтому новому городу нужна была сильная, энергичная, хорошо дисциплинированная полиция, какой в русской традиции не было. В древние времена на Руси община оберегала сама себя, позже князья наделили полицейской, судебной и фискальной властью воевод и тиунов, которые объективно были не в состоянии защитить путников и купцов от разбоев и грабежей на дорогах — как больших, так и проселочных. Потом

¹ Местечко, кстати говоря, было совсем не тихое. В то время около берегов Балтийского моря шатались многочисленные шайки карелов, совершавших разбой, грабежи и убийства. И творя при этом бесчисленные злодеяния. Эти банды не щадили ни пола, ни состояния, ни возраста. По некоторым свидетельствам, они сдирали кожу с живых людей, вырезали внутренности, забивали в пятки гвозди. Их шайки достигали численности 50—100 и даже 200 человек. Они состояли в основном из беглых холопов, бездомных горожан и обнищавших крестьян. Но попадались среди них и преступные потомки некогда славных родов.

судебно-административными центрами в России стали «Разбойный приказ», которому подчинялись губные старосты и целовальники, Земские дворы и избы, Судебный приказ и Съезжие избы. Поэтому Петр Великий учредил Петербургскую полицию по образцу немецких городов. Во главе полицейского управления он поставил генерал-полицмейстера, подчиненного Сенату. Первым генерал-полицмейстером Петербурга стал зять князя Меншикова генерал-адъютант португальского происхождения Антон Девиер. От Петра Девиер получил инструкцию из 13 пунктов, в которых царь сформулировал особо беспокоившие его проблемы — в частности, Девиеру предписывалось пресечь разбои и грабежи, которые случались среди бела дня даже на главных улицах. В город на Неве со всех концов государства хлынули воры и разбойники, которые растворялись в бесчисленных притонах и игорных домах. Их ловили, казнили, клеймили, бросали в тюрьмы, высылали, но меньше их почему-то не становилось, что сильно озадачивало Петра. Для «фильтрации» городских жителей царь затеял перепись населения столицы, надзор же за горожанами был поручен старостам и десятским. Десятские обязаны были также выявить подозрительные дома, где много пили, играли в азартные игры, а также занимались «другими похабствами». О таких притонах десятские обязаны были доносить в полицмейстерскую канцелярию. Однако вместо одного закрытого притона через несколько дней появлялась пара новых. По свидетельству очевидца, в Петербурге тогда по улицам и площадям постоянно слонялись «гуляющие люди», основными занятиями которых были воровство, пьянство и разгул. Положение стало настолько серьезным, что в конце концов на всех улицах были установлены рогатки или шлагбаумы, которые опускались с одиннадцати часов вечера и поднимались лишь на рассвете. В этот период времени беспрепятственно пропускались лишь знатные персоны, команды солдат и врачи. «Подлые люди» могли ходить ночью лишь в случае крайней нужды и не более трех раз, в противном случае их брали под стражу. Фактически такое положение очень напоминало современный комендантский час.

Однако несмотря на все принимаемые меры криминогенная обстановка оставалась крайне серьезной. 22 февраля 1711 года был учрежден правительственный Сенат, который почти сразу же издал указ против воров и разбойников, которых рекомендовалось вешать на том месте, где их поймали. (Сегодня подобные

меры борьбы с преступностью предлагает возродить господин Жириновский, претендуя, видимо, на лавры Петра. Лидер ЛДПР, правда, упускает из вида одно обстоятельство: как ни странно, несмотря на всю жестокость полицейских мер, преступность при Петре неуклонно росла...) Для выявления злодеев Петр учредил государственную фискальную службу, а в августе 1711 года некто старик Зотов взял на себя звание государственного фискала. Так закладывались в Петербурге традиции агентурной работы — именно в этой сфере русская полиция очень скоро стала одной из самых сильных в мире...

Но все это еще впереди, а тогда, при Петре, в России настала эпоха настоящего уголовного «беспредела». В 1710 году появилась шайка некого Гаврилы Старченка, численность этой банды доходила до 60—70 человек. Прекрасно вооруженные, эти разбойники грабили монастыри, забирали лошадей у крестьян, предавая людей мучительной смерти, — известны случаи, когда шайка Старченка сжигала крестьян в печах, словно это были не живые люди, а дрова... Часто банды сколачивались из беглых солдат, хорошо обученных и вооруженных, бороться с такими формированиями было чрезвычайно тяжело даже регулярным войскам¹. В 1719 году в окрестностях Петербурга, под Новгородом, в Можайском и Мещовском уездах действовали шайки по 100—200 человек. Эти банды отличались прекрасной дисциплиной, почти все разбойники имели верховых лошадей и умели действовать в конном строю. Такие банды могли уже захватывать не только села, но и города — в том же 1719 году разбойники ворвались среди бела дня в город Мещовск и освободили из тамошней тюрьмы своих «братков».

Чем же было вызвано такое резкое обострение криминогенной ситуации в Петровскую эпоху? Говорят, что в Древнем Китае существовало проклятие: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!» Любые перемены в обществе, а тем более перемены кардинальные, революционные способствуют криминализации страны: люди теряют уверенность в сегодняшнем, а тем более завтрашнем дне, рушатся

¹ И снова вспоминается день сегодняшний — почти в каждой серьезной питерской группировке или банде есть бывшие сотрудники спецслужб, консультирующие «братков» или даже непосредственно участвующие в совершении преступлений. На банды также работают и действующие сотрудники правоприменительной системы — стоит ли тогда удивляться столь малой эффективности так называемой борьбы с организованной преступностью.

планы, судьбы, меняются уклады жизни. Часто теряются привычные источники доходов, но обязательно возникают новые расходы. Время становится динамичным, авантюрным, оно выбирает себе новых героев... Исторические параллели — вещь, безусловно, опасная, часто ими злоупотребляют и спекулируют — но Уважаемый Читатель может судить сам — разгул преступности в России, и в Петербурге в частности, повторится и после революции 17 года, и после перестроечно-демократических преобразований 80—90-х годов уходящего столетия. Вывод получается любопытным — для расцвета уголовщины важен сам факт серьезных перемен в обществе, само их наличие, а не политическая направленность этих перемен. Кстати, и прогрессивные, и регрессивные перемены способствуют установлению атмосферы чиновничье-административного «беспредела» — когда мы дойдем до времен более поздних, я надеюсь, что читатель сможет сам в этом убедиться...

А пока вернемся в эпоху Петра. Чуть ли не самой большой проблемой на пути реформ и нормального функционирования государственного управления стало «ни с чем не сравнимое закоренелое и безграничное лихоимство и мздоимство». Размах взяточничества и коррупции был таков, что в 1714 году Петр I был вынужден издать специальный указ: «А кто дерзнет сие (лихоимство) учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован, или и смертию казнен будет». (Я далек от того, чтобы сравнивать Петра Первого с Ельциным, однако в этом месте нельзя не вспомнить знаменитый указ Бориса Николаевича «О борьбе с коррупцией» — вызвавший в момент издания много шума, этот указ был успешно «забыт» уже спустя год с небольшим.)

Одним из многочисленных заимствованных на Западе нововведений стало учреждение полиции. И в допетровское время, и в первые десятилетия царствования Петра Алексеевича задачи по поддержанию правопорядка на Руси выполняли разные административные и общественные структуры, однако специального органа, занимающегося сугубо полицейскими делами, вплоть до 1718 года не было. Меж тем потребность в учреждении такового диктовалась не только заграничным опытом Петра, но и объективными причинами: должности губных старост и сыщиков были отменены указом 1702 года, а дела ликвидированного годом ранее Разбойного приказа разосланы «которые куда пристойно». Опять